

УДК 93(470.41-25)

Лесные владения городского самоуправления Казани по Городовому положению 1870 и 1892 гг.

А. А. Трегубов,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Д. А. Трегубов,

*г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Forest land tenure of Kazan municipal self-government according to the Municipal Statutes of 1870 and 1892

A. A. Tregubov,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

D. A. Tregubov,

*Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

С принятием Городового положения 1870 г., а впоследствии и положения 1892 г., введенного в качестве исправления несовершенств, обнаружившихся в деятельности городского управления, хозяйственная жизнь городов Российской империи претерпела значительные изменения. Решение муниципальных проблем города перешло в руки городского самоуправления в лице Городской думы и Городской управы. Обладая известной долей самостоятельности, в рамках сугубо хозяйственной деятельности, и правом собственности на землю, органы городского самоуправления получили возможность, извлекая доход из различных городских владений, развивать различные отрасли городского хозяйства более интенсивно, чем это было прежде. Значительную часть владений Казани, на момент проведения городской реформы, составляли городские леса. Несмотря на постоянный спрос местного населения на лесоматериалы, лесные дачи обеспечивали содержание только лесной администрации и лесной стражи. А руководство городским лесом, осуществляемое техником И. Ф. Кваниным, привело к ситуации, когда лучшая часть городского леса была вырублена. Хищническое отношение к лесным владениям заставило Казанскую городскую думу пригласить специалиста, который устроил бы правильное лесное хозяйство и обеспечил надежную охрану леса. Им стал В. И. Кондратович, заняв должность городского лесничего в 1880 г. На основе документов Государственного архива Республики Татарстан, в статье показано становление городского лесного хозяйства: от первоначально убыточного – до отдельной муниципальной отрасли. Согласно сохранившимся источникам, восстановлена поочередная преемственность руководства лесными дачами г. Казани. Показаны основные виды деятельности и введение новых видов работ, позволяющих одновременно сохранять доходность лесных дач, в качестве приоритетного направления, с обеспечением городского населения дрова-

ми, осуществлением обязательств города по содержанию различных учреждений, находящихся на его попечении в отопительный период года.

Abstract

With the adoption of the Municipal Statute of 1870, and later the Statute of 1892, which were introduced to eliminate the shortcomings found in the activities of the municipal administration, the economic life of the cities of the Russian Empire underwent significant changes. The solution of municipal problems of the city passed into the hands of the municipal self-government represented by the City Duma and the City Council. Having a certain degree of independence in terms of economic activity and property right to land, the municipal authorities gained the opportunity to derive revenue from various urban possessions and develop various branches of the municipal economy more intensively than it was before. By the time of the Municipal Reform a significant part of the possessions of Kazan was formed by urban forests. Despite the steady demand of the local population for timber, forest districts provided maintenance for only forest administration and made allocations for forest guardsmen. The city forest management administered by the technician I. F. Kvanin led to the situation where the best part of the city forest was cut over. The rapacious attitude towards the forest estates made the Kazan City Duma engage a specialist who would arrange the right forestry and provide reliable forest protection. V. I. Kondratovich was chosen for that mission and he took up the position of City Forester in 1880. Based on the documents of the State Archive of the Republic of Tatarstan, the article shows the development of the urban forestry which initially started as an unprofitable one and turned into a separate municipal branch. Based on the preserved historical sources, the succession of forest district management of Kazan is represented. The article shows the main activities and introduction of new types of work enabling to maintain the profitability of forest districts as a priority, provide the urban population with firewood, and implement the city's commitments on the maintenance of various agencies being in charge of during the heating period of the year.

Ключевые слова

Городское самоуправление, Казанская городская дума, Казанская городская управа, лесные владения, Городовое положение 1870 г., Городовое положение 1892 г., городской лес, городские лесничие, лесная стража, городское лесное хозяйство.

Keywords

Municipal self-government, Kazan City Duma, Kazan City Council, forest estates, the Municipal Statute of 1870, the Municipal Statute of 1892, city forest, city foresters, forest guardsmen, urban forestry.

Усиление темпов урбанизации конца XX – начала XXI вв. и ухудшение экологической ситуации в мегаполисах с новой силой актуализировали проблему сохранения городских лесов и создания лесопарковых зон с рекреационной составляющей.

Несмотря на важность лесного фонда для экологии и экономики России, забота о его сохранении не приобрела масштаба национальной идеи так, как это наблюдается, например, в современной Германии. Немецкая культура, обретая в своих лесах источник идентичности, обращается к ним всякий раз, когда нуждается в опоре¹. При этом лес в России всегда был в поле зрения государства и экономической политики правительства. Русские цари и монархи пытались законодательно запретить или ограничить хищническое истребление лесов. За период с 1649 по 1855 г. (период доиндустриальной истории России) было принято 542 указа о лесах, причем наибольшее число указов, касающихся лесного законодательства, относится к царствованию императоров Александра I (115 указов) и Николая I (220 указов)².

Озеро «Лебяжье» // Старая Казань и ее окрестности: альбом. – Казань, 2011. – С. 177.
Lake Lebyazhye (Swan) // Old Kazan and its surroundings: an album. – Kazan, 2011. – P. 177.

В «Опыте русского лесоводственного терминологического словаря» профессора П. Н. Верехи мы встречаем «дуб казанский» и «поташ казанский»³. Именно эти два термина наиболее ясно дают понять характер эксплуатации казанских лесов в дореволюционный период истории России. Активное освоение лесных богатств Казанской губернии начинается в начале XVIII в., связано оно, прежде всего, с возникновением в России военно-морского флота. По данным М. А. Цветкова, лесная площадь Казанской губернии уменьшилась с 4 167 тысяч га в 1696 г. (начало строительства флота), что составляло 65,4% от общей площади губернии, до 1 854 тысяч га в 1914 г., с лесистостью 29,1%⁴. В результате активного лесопользования, площадь, занятая лесом, сократилась более чем в два раза.

В настоящее время, как и сто лет назад, не утрачивает своей актуальности вопрос об эффективности управления государственной собственностью. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о муниципальной собственности городов и, в частности, Казани, как одного из крупных, динамично развивающихся центров Поволжья.

Основным документом, регулирующим устройство управления городов до 1870 г., являлась Жалованная грамота на права и выгоды городов 1785 г., в обиходе называемая «Городовым положением Екатерины II». В 1870 г. вышло новое Городовое положение, давшее возможность формирования новой системы муниципальной власти. Управление делами, относящимися к местным нуждам, было изъято из ведения чиновников и передано в руки избранных представителей различных социальных групп населения. Впоследствии Городовое положение 1870 г. было заменено Городовым положением 1892 г., действовавшим до 9 июня 1917 г. Согласно Городовому положению 1870 и 1892 гг., все городские имущества делились на движимые и недвижимые. Во владении города находилось два вида

недвижимой собственности: имущества на праве полной собственности и имущества, находящиеся в общественном пользовании (площади, проезды, реки, озера и т. п.). Первую категорию составляли различные здания и сооружения: рынки, торговые павильоны, лавки и доходные дома, а также внутригородская и пригородная земля, сдаваемая в аренду под постройки, загородные дачи, склады, сады, огороды и выгон для скота. Доход с имуществ второй категории получался путем сдачи мест на улицах и площадях торговцам и торговым организациям, извозчикам для стоянки извозчичих экипажей.

Важной статьей доходов городских имуществ был лес, являясь частью городского хозяйства. Лесные владения Казани, имевшиеся у города до Городового положения 1870 г., с вступлением закона в силу были закреплены в качестве принадлежащих городскому обществу. Они получили название «леса, имеющие особое предназначение»⁵. Леса, приобретенные городом посредством покупки или по смерти лиц (по действию Городового положения 1870 и 1892 гг.), принадлежащих к городскому обществу, не оставивших после себя ни завещаний, ни законных наследников, также составляли собственность города и управлялись на общих основаниях, установленных для управления городскими имуществами. Это же относилось и к лесам, растущим на выгонах, принадлежащих городу. Подобные лесные владения относились к особой категории и назывались общественными лесами⁶. Этими лесами городское общество владело на праве частной собственности, поэтому и весь доход, получаемый с них, поступал в пользу общества.

Долгое время в штате Казанского городского общества не было должности городского лесничего, лесами города занимался городской техник и военный топограф по специальности Иван Федорович Кванин. Инициатива приглашения специалиста для управления городским лесным хозяйством принадлежит городскому голове Э. П. Янишевскому и Финансовой комиссии Городской думы. В 1877 г. из объявлений в газетах «Казанские губернские ведомости» (№ 33), «Казанский биржевой листок» и «Московские ведомости» (№ 108, 109) общественности стало известно о приглашении городом лесничего⁷. Первым лесничим с декабря 1880 г., с годовым окладом в 600 руб., стал Кондратович Владислав Иеронимович. До назначения его на эту должность Кондратович был лесничим 1-го Казанского лесничества, так как казенные леса, которыми он заведовал, частично граничили с городскими владениями. Владислав Иеронимович знал о состоянии городских лесов и неоднократно бывал в них⁸.

Стать городским лесничим Кондратович пытался дважды: в 1877 и 1879 гг. В 1877 г. одновременно с ним на занятие вакантной должности подавали заявление коллежский асессор Вержбицкий и губернский секретарь Богдановский. Тогда все три кандидата Думой были отклонены⁹. На вторично сделанный Управой вызов желающих занять должность городского лесничего отозвалось восемь человек. Условия, поставленные Кондратовичем, были признаны наиболее выгодными для города: «вознаграждение в 400 руб. в год, кроме того 20% с суммы, вырученной сверх оклада на дачу, определяя его средним выводом доходности за последние 6 лет». Но Губернское по городским делам присутствие отменило постановление Думы, предпочтя лесничего казенной дачи Успенского винокуренного завода Тюменского округа Тобольской губернии, надворного советника Михаила Васильевича Кошкина. 12 сентября 1879 г. состоялось заседание Городской думы, на котором кандидатура Кошкина была одобрена. И хотя все дела по прежней работе Кошкиным были сданы, увольнения на выезд в Казань от губернского начальства

он так и не получил. Спустя некоторое время выяснилось, что избранный в лесничество Кошкин не явился на службу, а так как и губернский техник отказался от дальнейшего заведования городским лесом, то временно на освободившееся место Управа пригласила околоточного надзирателя 5-й части, коллежского регистратора Петра Осиповича Андриевского. В виду создавшегося положения, Городской думой снова был возбужден вопрос о новом соглашении с Кондратовичем, принятием им на себя должности лесничего. 20 апреля 1879 г. Казанская городская дума признала возможным допустить г. Кондратовича к занятию должности, определив ему срок службы три года¹⁰. Служение городу В. И. Кондратович успешно совмещал с должностью лесничего 1-го Казанского лесничества.

Должность городского лесничего не исчерпывалась управлением только лесными владениями города, в его подчинение входило луговое хозяйство, контроль в отношении порядка размещения плотов и бунтов леса, а также других материалов, приходящих в Казань и находящихся на земле, принадлежащей городу, рыбные ловли, перевозки и купальни. В непосредственном подчинении городского лесничего находился луговой объездчик и девять луговых сторожей¹¹, а также лесная стража: один объездчик и семь лесников¹². Поэтому первое, что сделал Владислав Иеронимович, став городским лесничим, способствовал к приведению к присяге своих подчиненных. Присяга лесной стражей была принята 6 июня 1881 г. Из архивных документов известно, что православных к присяге приводил священник Гавриил Кобызев, а мусульман – указный мулла Адмиралтейской слободы Биляютдин Габитов¹³.

У лесной стражи, охраняющей городские лесные дачи, были особые должностные знаки, которые нашивались на груди. Они были овальной формы, размером 2 вершка в ширину и 2,5 вершка в длину, для лесников – из белой жести, а для объездчика (старшего лесника) – из желтой. В центре знака был вытиснен казанский герб, а вокруг него надпись: «Казанский городской лесник». Еще один знак, который лесники и объездчики нашивали на шапки, изготавливался также из жести, но в виде ленты со сквозными буквами Г. А. С., означающими «Городской Лесной Стражник». В отличие от лесника, у объездчика вместо буквы «С» была буква «О»¹⁴.

Согласно «Лесной оценки лесных угодий по Казанскому уезду на 1901 г.», в городском владении Казани находилось шесть лесных дач: «Въезжий лес», «Ольховая роща», «Игумновская дача», «Дача Кумысного заведения», дачи «Русская Швейцария» и «Немецкая Швейцария». Общая площадь лесных владений Казани составляла 4 358 десятин¹⁵, из которых 3 546,95 десятины были собствен-но под лесом¹⁶.

К моменту появления городского лесничего, в 1871 г. лесным ревизором Казанской губернии, коллежским асессором Генрихом Оттоновичем Тидеманом из всех имеющихся дач была устроена только одна – «Въезжий лес». Несмотря на проведенное Тидеманом лесоустройство – с полным знанием лесного дела и условий, окружающих дачу, в отношении сбыта из нее лесных материалов, – оно не послужило руководством для правильной эксплуатации, хотя было одобрено и утверждено Думой. Тидеман, проектируя 45-летний оборот рубки для лиственных пород, вполне для этого достаточный, принял такой же оборот и для хвойных, что не вполне соответствовало требованиям условия их роста и развития. Рубка леса производилась не по плану лесоустройства, а по личным соображениям, следствием чего явилась утрата самого лучшего насаждения дачи – 200 десятин дуба с липой¹⁷. В 1875 г., по указанию городского техника И. Ф. Кванина, который управлял тогда

лесным хозяйством города, эта площадь была единовременно продана на сруб лесопромышленникам С. И. Пчелину, З. М. Панову и Ф. С. Грободелову¹⁸.

В собственность городу лесная дача «Въезжий лес» была высочайше пожалована в 1854 г. И хотя в 1871 г. Тидеманом было проведено ее лесоустройство, разбивка на кварталы не производилась, это было исполнено лишь в 1891 г. городским землемером И. А. Овсяным, которым вся дача была разделена на 42 квартала. Находился «Въезжий лес» в двух верстах от Казани. На территории дачи располагалась железнодорожная станция «Красная горка» Московско-Казанской железной дороги. К западной и северной ее границам примыкали угодья крестьян д. Тура, д. Красная Горка и других селений, а к северо-восточной части – пахотные поля Удельного ведомства. На востоке располагалась Удельная лесная дача. Вдоль южной границы тянулись пустыри и вырубки, а также незначительные лесные участки и угодья: крестьян селений Арахчино (так в документе. – *Авт.*), Красная Горка, Займище и Кузметево, Порохового завода, Спасского монастыря и Туринской казенной лесной дачи, частично примыкавшей к западной границе¹⁹. Общая площадь лесной дачи «Въезжий лес» составляла 3 820,73 десятины – это были самые большие лесные владения города. Хотя здесь и встречались перестойные дубовые деревья, дуб составлял незначительную примесь – ранее существовавшие дубовые насаждения были уже вырублены. Господствующими породами были сосна (1 350,52 дес.), береза (1 078,98 дес.) и липа (388,99 дес.), в незначительном количестве встречались ель (11,60 дес.) и осина (155,90 дес.)²⁰. Одним из красивейших мест лесной дачи «Въезжий лес» были озера Лебяжье и Глубокое. По постановлениям Думы, состоявшимися в ноябре 1889 г. и июне 1897 г., с водоохранной целью было произведено отграничение 216 дес. леса вокруг Лебяжьего и Глубокого озер. На этой площади располагались дачи для отдыха, которые сдавались в аренду, а лес в округе было запрещено рубить, здесь велось парковое хозяйство, убирался только сухостойный лес и валежник, корявые деревья и угнетенный подлесок. С целью предотвращения заболачиваемости Глубокого озера, городом была предпринята его очистка от мха, но из-за того что озера были лишены внешнего притока воды, они все больше мелели, уменьшались и заболачивались²¹.

По правую сторону реки Казанки, возле слободы Козья Гривка и Кизического монастыря, находилась лесная дача «Ольховая роща» (48,65 дес.), и «Дача Кумысного заведения» (56,64 дес.). При весеннем разливе Волги обе дачи покрывались водой и на время заболачивались, что было благоприятным для ольхи и березы. «Ольховая роща» граничила исключительно с городскими землями. К «Даче Кумысного заведения» с севера примыкали владения Удельного ведомства, с востока – земля крестьян д. Савиново, а с запада и частично с юга – выгон и лесная дача Кизического и Ивановского монастырей; затем шли выгонные и сенокосные городские участки, за ними – предместья Казани в виде различных слобод. В 1871 г. при устройстве дачи «Въезжий лес» была произведена съемка и «Ольховой рощи». Дача сильно была изрежена в 1896 г., когда для нужд города была осуществлена выборка ольховых деревьев. «Дача Кумысного заведения» устроена не была и рубок в ней никаких не производилось, хозяйственная съемка этой дачи состоялась только в 1891 г. Обе дачи служили для города источником дровяного леса. Вследствие одинаковых условий сбыта и однообразного оборота рубки, «Ольховая роща» и «Дача Кумысного заведения» были соединены в один хозяйственный план²².

Совсем иной по составу лесных пород была «Игумновская дача» (431,98 дес.), ее господствующей породой был дуб (195,98 дес.), но это был дуб, возраст которого

не превышал 30 лет, и он не мог использоваться в качестве деловой древесины. Присутствие в даче иных лесных пород было незначительным – сосны 7,03 дес., липы 3,02 дес., осины 28,77 дес.²³

На особом положении были дачи «Русская Швейцария» и «Немецкая Швейцария». В 1898 г., когда гласным Казанской городской думы Н. Ф. Грауэртом проводилась ревизия всех лесных владений города, эти дачи было решено не подвергать обмеру, также отказались от составления для них и специального плана лесного хозяйства. Обе дачи были заняты постройками и сдавались в аренду, как место загородного гулянья, поэтому и ведения лесохозяйственных мероприятий там не предполагалось. По сведениям Городской управы, «Немецкая Швейцария» занимала площадь в 14,33 дес. Лес в этой местности, благодаря сделанному прореживанию, представлял довольно красивый вид. Значительно больше по своей площади была «Русская Швейцария» – 51,50 дес., но как и предыдущая дача, она была прорезана глубокими оврагами, основной лесообразующей породой обеих дач была береза²⁴.

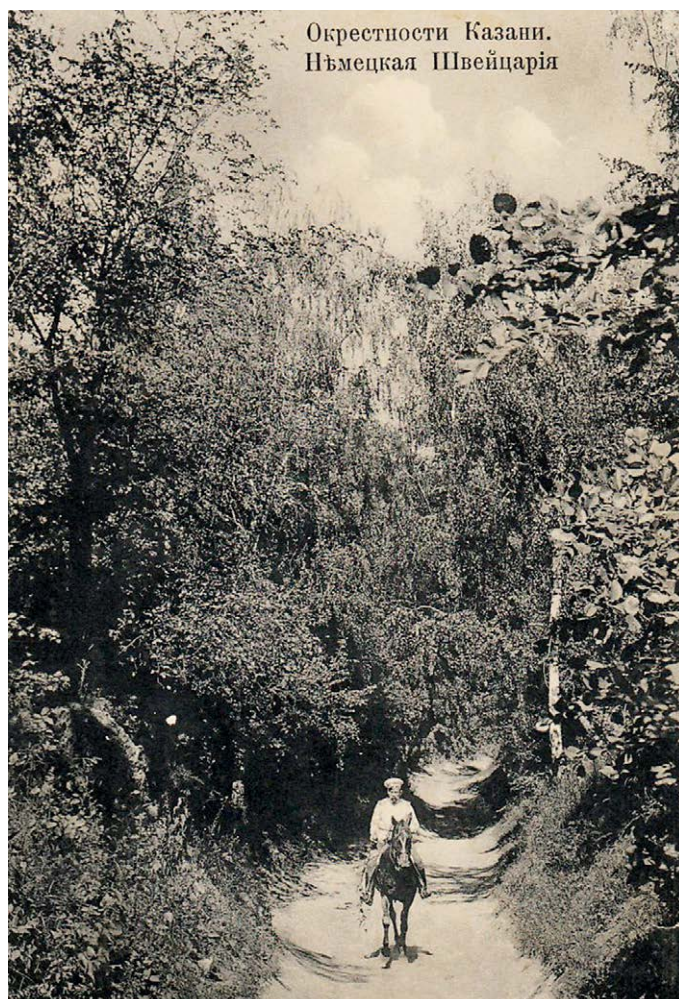
С назначением В. И. Кондратовича городским лесничим, Городская дума была вынуждена согласиться с его условиями. Только один пункт – об установлении платы за соби́рание в городском лесу грибов, ягод, орехов и желудей – вызвал продолжительные прения и был исключен из проекта договора. Большинство собирающих грибы, ягоды и орехи, издавна привыкло пользоваться безвозмездно продуктами леса, принадлежа к беднейшему населению Пороховой и других окрестных слобод. В итоге сбор ягод, грибов, орехов и желудей был разрешен всем жителям города бесплатно. Некоторые виды побочного лесопользования были платными: за право охоты в городском лесу желающие должны были заплатить по 2 руб. в год с человека, за воз мха – 10 коп., а за воз глины или песка – 3 коп.²⁵

О деятельности В. И. Кондратовича на посту городского лесничего можно судить по итогам специальной комиссии, созданной для осмотра городского лесного хозяйства, с целью проверки правильности производства рубок и ведения лесного хозяйства. Создание комиссии инициировал исполняющий делами городского головы Н. П. Залесский. Из-за падения цен на лес, в 1888 г. больше половины делянок не были проданы. При обсуждении Думой доклада о торгах, Н. П. Залесский заявил, что лесное хозяйство ведется неудовлетворительно. Проверяя ведомости лесничего, он нашел, что некоторых делянок на плане нет²⁶. В комиссию гласных от Городской думы вошел также и представитель от Управления государственными имуществами Казанской губернии, лесной ревизор К. М. Патканов. Его итоговый доклад полностью подтвердил правильность действий Кондратовича как специалиста лесного хозяйства. Подробный осмотр городских лесов показал, что за время заведования В. И. Кондратовичем лесными владениями города, были окончательно прекращены самовольные порубки леса, не было ни одного более или менее значительного пожара. Несмотря на то что пригородные леса посещаются массой народа – сборщиками грибов, ягод и просто гуляющими, удалось справиться и со всегдашней язвой лесной растительности – самовольной пастьбой скота. Для удобства охраны леса Кондратовичем было выстроено пять домов для лесной стражи. «Давая такие помещения и кусок усадебной земли в 1,5 дес[ятин] на каждого лесника, Кондратович достиг того, что имеет стражу, в высшей степени дорожащую своим местом, а это в свою очередь служит лучшей гарантией за целость и сохранность дач», – отмечал Патканов. Удалось прекратить и самовольную охоту, являющуюся нередко причиной лесных пожаров²⁷.

Первой существенной мерой, предпринятой Кондратовичем для более успешного естественного лесовозобновления, был отвод более узких лесосек, чем было ранее предложено Тидеманом. Казалось бы, Кондратович должен был отводить лесосеки шириной в 80 саженей, но он сузил их до 50-55 саженей, чем были достигнуты в отношении естественного лесовозобновления лиственных пород положительные результаты. Еще более удачно была применена система узких лесосек в хвойных насаждениях, вместо предложенных Тидеманом 40 саженей, отводились лесосеки шириной в 20-25 саженей. «Нельзя не отнестись с должной похвалой к Кондратовичу и за применение системы кулисных рубок, инициатива которой всецело принадлежит ему», – писал в своем докладе Городской думе К. М. Патканов²⁸. Впоследствии все это способствовало большей сомкнутости насаждений и лесовозвращению деревьев хорошего качества.

Должность городского лесничего В. И. Кондратович исполнял до 7 мая 1901 г. Судя по архивным источникам, его неожиданная отставка с занимаемой должности была большим сюрпризом для самого Владислава Иеронимовича. Не проясняет возникшие вопросы о причине отставки и архивное дело «О службе городского лесничего Кондратовича», хранящееся в Государственном архиве Республики Татарстан. На предложенную городским головой А. А. Лебедевым отставку, Кондратович 23 апреля 1901 г. пишет записку, в которой говорит, что в предложение ему об отставке, по-видимому, вкралось какое-то недоразумение. Он не заявлял согласия на оставление службы, но повинувшись требованию, подаст прошение об отставке²⁹. Примечателен и тот факт, что дважды поданное в Городскую думу прошение о назначении Кондратовичу пенсии за 20-летнюю службу городу, было отклонено без каких-либо объяснений³⁰. Настоящие причины отставки Кондратовича неизвестны. Можно предположить, что в качестве городского лесничего Кондратович, обладая профессиональными знаниями в области правильного ведения лесного хозяйства, положил конец злоупотреблениям, связанным с бесконтрольной рубкой городского леса, чем повредил интересам некоторых представителей Городского общественного управления, одновременно бывших и крупными лесопромышленниками.

Согласно постановлению Городской думы, новым городским лесничим с 1 июня 1901 г. стал статский советник Владимир Сергеевич Кривский, старший запасной лесничий в отставке³¹. Но когда 18 декабря 1901 г. он умер, перед Казанской городской думой и Городской управой вновь встал непростой вопрос поиска нужного специалиста. Проблема поиска кандидата на должность городского лесничего осложнялась, главным образом, низкой его оплатой. Годовая ставка городского лесничего равнялась 600 рублям и не пересматривалась с 1880-х гг. В то время денежное довольствие казенного лесничего Казанской губернии составляло уже 1 650 руб. в год, а некоторые лесничие I-го разряда получали более 2 000 рублей, при земельном наделе в 30 десятин и казенной квартире. Даже лесной кондуктор, недавно окончивший низшую лесную школу и исполняющий должность помощника лесничего, получал в год не менее 470 рублей. Он имел земельный надел в 15 десятин и ему предоставлялась казенная квартира³². К тому же городской лесничий, являясь всего лишь служащим Городской управы, не относился к категории государственной службы, как занимающий эту должность, он не имел права получать классные чины и при выходе в отставку не получал пенсию. По новому Городовому положению 1892 г. к госслужащим были отнесены только городские головы и члены Управы³³. Однако 28 марта 1894 г., по инициативе министра

Окрестности Казани.
Нѣмецкая Швейцарія

*«Немецкая Швейцария» //
Старая Казань и ее
окрестности: альбом. –
Казань, 2011. – С. 102.*

*“German Switzerland” //
Old Kazan and its
surroundings: an album. –
Kazan, 2011. –
P. 102.*

внутренних дел и по предложению казанского губернатора, Городской управой был внесен на рассмотрение в Казанскую городскую думу список существующих должностей по городскому управлению, которым было бы желательно, как лицам, требующим специальных знаний и подготовки, присвоить права государственной службы. В этом списке был и лесничий. Согласно Проекту расписания классов по чинопроизводству и разрядов по шитью на мундире должностей Казанского городского общественного управления, должность городского лесничего была отнесена к IX классу Табели о рангах – титулярному советнику, что соответствовало армейскому званию штабс-капитана³⁴. Список был утвержден Думой, но изменений относительно должности городского лесничего не последовало.

На должность городского лесничего с 4 февраля 1902 г. Казанская городская дума определила назначить ученого лесоведа II разряда Каспара-Карла Гугоновича-Валентиновича Елухена³⁵. Ему определили оклад в 600 руб. в год, разрешив местожительство в городском доме во «Въезжей даче»³⁶. К. В. Елухен был сыном помощника (заместителя) начальника Управления земледелия и государственных имуществ Казанской губернии, статского советника Г. Ф. Елухена. Из формулярного списка о службе Каспара Валентиновича известно, что он окончил полный

курс наук в Санкт-Петербургском лесном институте, где удостоился 19 сентября 1901 г. звания ученого лесовода II разряда. По его прошению он был причислен 21 февраля 1902 г. к Управлению земледелия и государственных имуществ Казанской и Симбирской губерний без содержания с формулировкой: «для особых поручений и приготовления к службе». А 1 марта 1902 г. К. В. Елухен получил свой первый классный чин губернского секретаря. Некоторое время спустя была пересмотрена и годовая ставка городского лесничего, она была повышена до 1 620 руб. в год. 4 августа 1904 г. приказом № 13 по Корпусу лесничих губернский секретарь Елухен был зачислен в его состав. Так как он не являлся казенным лесничим, а управлял городскими лесами, то в означенный корпус был зачислен «с откомандированием для заведования лесными дачами г. Казани и подчинением в инспекторском отношении ведению Казанского управления земледелия и государственных имуществ». В 1911 г., по выслуге лет, К. В. Елухен должен был получить следующий классный чин коллежского секретаря, но отношением Казанского управления земледелия и государственных имуществ к Городской управе от 3 мая 1911 г. за № 9366 в этом ему было отказано. Причина все та же – «не занимая классной должности, представлен в общем порядке к производству в чин быть не может», то есть, не являясь госслужащим, Елухен рисковал навсегда остаться губернским секретарем. Вероятно, именно этот факт, в качестве одной из основных причин, повлиял на решение К. В. Елухена оставить должность городского лесничего и перейти на службу в Удельное ведомство. К тому же, в 1911 г. Каспар Валентинович был уже главой семейства и отцом двух детей. 6 июня 1911 г. начальник Управления Казанского удельного округа министерства императорского двора и уделов Н. В. Кубашев поставил Городскую управу в известность о переходе К. В. Елухена на новое место службы³⁷. Став лесничим II разряда Казанского удельного округа, Елухен в 1914 г. был уже титулярным советником³⁸, а в 1916 г. лесничим I разряда и коллежским асессором³⁹.

С назначением К. В. Елухена на должность городского лесничего, в деятельности лесной стражи появляются новые элементы работы. Как и прежде, ее приоритетным направлением остается обеспечение доходности лесных дач, за счет, главным образом, продажи растущего леса с торгов и, частично, от хозяйственной его разработки, а также лесоохрана. Однако в отчетах лесничего все чаще появляется строка «Лесокультурные работы». Характеризуя деятельность Елухена, городской голова С. А. Бекетов писал: «Наряду с прямыми обязанностями по заведыванию городскими лесными дачами, г. Елухеным на первых же порах своей службы было обращено внимание на необходимость облесения значительной площади старых пустырей, занимавшихся ранее артиллерийскими полигонами. С этой целью, с разрешения Городской думы и на средства города, им устроены питомник и школы, давшие за 8-летний период посадочный материал для культуры на пространстве 300 с лишним десятин, главным образом сосны, ели, лиственницы и частью лиственных пород. Как питомник, так и культуры, находятся в хорошем состоянии, о чем засвидетельствовано и прошедшим в 1910 г., по поручению господина казанского губернатора ревизией городского лесного хозяйства старшим лесным ревизором Чернышевым»⁴⁰.

Деятельность по облесению пустырей и по производству культурных лесных работ была также продолжена следующим городским лесничим, Борисом Арсеньевичем Щербаковым. Поработав недолго в должности городского лесничего, он переходит на госслужбу, получив чин титулярного советника. Щербаков становится лесничим II разряда Карабаяновского лесничества Казанской губернии⁴¹.

Борис Арсеньевич был сыном профессора Казанского университета А. Я. Щербакова, общественного деятеля и гласного Казанской городской думы. Он получил хорошее образование, после окончания 2-ой Казанской гимназии в 1897 г. поступил в Казанский университет на отделение естественно-исторических наук физико-математического факультета, которое успешно окончил в 1903 г., получив диплом I степени⁴². С началом Первой мировой войны был призван в армию прапорщиком запаса. Служил на Северо-Западном фронте, участвовал в восьми боях, за боевую доблесть был представлен к наградам. В мае 1915 г. Борис Арсеньевич был переведен на Галицийский фронт, где также участвовал в сражениях. Как сообщается в некрологе, напечатанном в газете «Камско-Волжская речь», погиб Б. А. Щербаков 21 мая 1915 г. от разорвавшейся шрапнели, выглянув из окопа, чтобы посмотреть в бинокль⁴³.

Последним лесничим г. Казани дореволюционного периода был Николай Федорович Подберезин⁴⁴. Его управление лесными владениями города пришлось на сложное время, это были военные годы, осложненные нарастающей революционной ситуацией в стране. Несмотря на колоссальную проблему для городской власти по обеспечению городского населения топливом в условиях сложной финансовой ситуации – дефицита городского бюджета, курс, взятый бывшим лесничим К. В. Едухеном на искусственное лесовосстановление и облесение, продолжал сохраняться. Согласно прошению Н. Ф. Подберезина от 10 апреля 1915 г., Городская дума изыскала 100 руб. на закладку и поддержание второго семенного питомника во «Въезде лесу». Основной продукцией лесопитомников были сеянцы и саженцы ели, сосны, лиственницы, туи и шиповника. Если перешколенные саженцы 2-3 лет использовались, в основном, для посадки на культурных площадях, то саженцы 5-6 лет шли на озеленение парков и городских учреждений, а также на «вольную продажу» всем желающим. При этом, что примечательно, и упаковка, и доставка заказа до адресата оплачивались из средств, отпущенных на финансирование питомников. В связи с этим, из года в год, суммы на содержание лесопитомников постоянно увеличивались. Наиболее затратными видами работ были: полка сорных трав, полив и отенение. В качестве сезонных рабочих обычно привлекались крестьяне ближних деревень: Новой Туры, Макаровки, села Осиново и Пороховой слободы⁴⁵.

С историей казанских лесных дач связан еще один человек. Он не был городским лесничим, но его заинтересованность в развитии городского лесного хозяйства была замечательна. Не являясь прямым должностным лицом, ответственным за городской

Б. А. Щербаков.
ГА РТ, ф. 977, оп. 1 л/д, д. 33290, л. 11.

B. A. Shcherbakov. The State Archive of the Republic of Tatarstan, fond 977, series 1 l/d, file 33290, p. 11.

лес, а следовательно, не получая от него и никакого дохода, в силу своей профессиональной подготовки, он предлагал пути и меры улучшения эксплуатации казанских лесов, став инициатором перспективного плана их развития на будущее. Это был Николай Федорович Грауэрт. Будучи выходцем из дворян Гродненской губернии, Грауэрт успешно окончил в 1864 г. Санкт-Петербургский земледельческий институт и был произведен в прапорщики⁴⁶. В начале 90-х годов XIX в. Николай Федорович состоял в должности старшего запасного лесничего Управления государственными имуществами Казанской губернии, являясь статским советником. В общественной жизни Казани Н. Ф. Грауэрт известен как активный ее деятель: он неоднократно становился гласным Казанской городской думы и членом Городской управы (председателем училищной и членом технической комиссий), являлся членом Городского комитета Попечительства о народной трезвости.

*Печать городского лесничего.
ГА РТ, ф. 98, оп. 5, д. 4685.*

The stamp of City Forester. The State Archive of the Republic of Tatarstan, fond 98, series 5, file 4685.

13 мая 1897 г. под руководством Н. Ф. Грауэрта была создана особая комиссия для рассмотрения вопроса об изменениях в ведении городского лесного хозяйства и по переустройству лесных дач с составлением подробного хозяйственного плана с производством всех необходимых таксационных работ. Предполагалось для сосны принять оборот рубки в 80 лет, вместо практикуемых 45, а лиственных пород – 45 лет. В смешанных насаждениях сосны и лиственных пород назначить промежуточное пользование и производить вырубку второстепенных пород: или при половинном обороте рубки, принятом для сосны в 40 лет, или ввести проходные рубки. В комиссию вошли также гласные Городской думы В. П. Шмелев и Л. А. Матвеевский. На основании проведенной в 1897-1898 гг. инвентаризации городского леса был составлен «Отчет по устройству лесных дач города Казани»⁴⁷.

В своем хозяйственном плане Николай Федорович писал, что ввиду ценности для Казани ее лесных владений, настоятельной необходимостью является уход за лесами, и забота о основных насаждениях должна стоять на первом плане. С целью облесения прогалин на некоторых участках, которые естественным путем никогда не могут обсемениться, в даче «Въезжий лес», в квартале 19 им проектировалась закладка питомника. В будущем идея была реализована. Для обводнения Глубокого озера предлагалось устройство плотины (дамбы), которая бы направляла сток весенних вод в озеро. Охранение леса в отношении пожаров было признано Грауэртом недостаточным, он предлагал увеличивать состав охраны временными лесными сторожами на период с 1 мая и до 1 октября. В качестве неуклонного условия для контроля за проведением проектируемых лесохозяйственных мероприятий и лучшей охраны лесов, Николай Федорович считал очень важным,

чтобы городской лесничий имел постоянное местожительство в лесу, где ему должно быть предоставлено помещение, земельный надел и бесплатный отпуск дров для отопления (впоследствии такой постоянной квартирой городских лесничих стал дом на Лебяжьем озере). Но самое главное, для увеличения доходности лесных дач, Грауэрт предложил приступить к хозяйственным заготовкам леса собственными силами, так как значительная часть дохода, при существующем способе продажи леса с торгов, поступает не в кассу владельца леса, то есть города, а в пользу покупателя. Разработка лесных материалов должна производиться во все сортименты, которые имеют спрос: сосновые бревна, тычины, березовые отрубки для седел, оглобли и дручки, и лишь остатки, негодные для изделий, перерубать на дрова⁴⁸. Уже 25 апреля 1900 г. своим постановлением Городская дума запретила продажу делянок и предложила приступить к хозяйственной разработке леса как на делянках не проданных от предшествующих лет, так и на лесосеках сметы 1901 г.⁴⁹ Н. Ф. Грауэртом был составлен план рубок на 1898-1908 гг.

Важным вопросом, связанным с историей функционирования лесных дач Казани, как отдельной отрасли городского хозяйства, является вопрос об их доходности и обеспечении дровами городского населения.

Общий годовой доход шести городских дач складывался из следующих статей: собственно от продажи леса, от окладных доходов и доходов побочного пользования. Продажа леса осуществлялась двояко: с торгов и от заготовки леса хозяйственным способом, когда город сам являлся его заготовителем, нанимал лесорубов и подводы лошадей для вывозки лесоматериала в Казань. На каждую делянку (лесной участок), участвовавшую в торгах, лесничим заранее составлялась оценочная ведомость, где указывалась ее площадь, границы, выход деловой древесины, преобладающие породы и их возрастной состав. Оценочная стоимость делянок зависела от действующей таксы на лесные материалы, установленной для казенных дач 1-го Казанского лесничества, которая ежегодно пересматривалась с учетом рыночной стоимости различных сортиментов. Перед началом аукциона через местную прессу Городской управой оповещались желающие участвовать в торгах. Крестьяне близлежащих деревень, как правило, оповещались Волостным правлением и лесной стражей. Результаты торгов представлялись на утверждение Городской думе, они могли быть не утверждены, если сумма от продажи леса была менее ожидаемой. Торги проводились повторно, а незаторгованные (непроданные) делянки переходили в оценочную ведомость торгов следующего года или вырубались хозяйственным способом. Продажа леса с торгов давала городскому управлению сбывать лес по высоким ценам. Все дальнейшие работы по заготовке леса могли проводиться только после получения лесорубочного билета под личным наблюдением лесничего, его помощника или представителя лесной стражи.

К окладным лесным доходам относились доходы с разного рода земельных участков, расположенных в пределах городских лесных дач, включая площади, находящиеся под дачными постройками. И сами дачные постройки сдавались в аренду на различный срок, принося в городскую казну неплохой ежегодный доход. Спросом горожан особенно пользовались летние дачи в «Русской Швейцарии» и «Немецкой Швейцарии», которые были рядом с городом.

Доходы побочного пользования – это суммы, взимаемые за право производства охоты, за пастбу скота, принадлежащего дачникам, за места, занимаемые под пчельники, за сбор ягод грибов и орехов, за право мочки мочала, за собирание

мха, от продажи сена, скошенного в лесных дачах, от разработки торфа на лесных болотах, с рыбных ловель, с купален и перевозов, а также штрафы за лесные порубки.

Долгое время сбор ягод и грибов в городском лесу был бесплатным. В 1909 г. городской лесничий К. Елухен заявил о необходимости установить побилетный вход грибников и ягодников во «Въезжий лес». Стоимость входного билета лесничий предложил установить в 25 коп. Он разработал и форму билета. Предложения К. Елухена были рассмотрены Думой и утверждены. Билет на право сбора ягод и грибов был именной, без права передачи другому лицу и выдавался Городской управой⁵⁰.

К моменту назначения В. И. Кондратовича городским лесничим в 1880 г. «лесные дачи были доведены до полного истощения, не давая городу никакой доходности, так как все поступления от них расходовались на содержание лесной администрации». В Годовой отчетной ведомости прихода сумм по управлению городским лесным хозяйством за 1896 г. он отмечал: «Лесопромышленность прочно привилась, доходность от леса доведена до высшего предела, спрос на лесной материал превышает предложение, это такие условия, в каких находятся редкие лесные дачи»⁵¹.

Уже через пять лет службы Кондратовича городским лесничим, общий лесной доход города составил 9 293 руб. 16 коп.⁵² Через шестнадцать лет, в 1896 г. – 13 913 руб. 77 коп., а в 1899 г. – 15 499 руб. 51 коп.⁵³ Однако, если рассматривать доходы каждого года в отдельности, то рост будет не столь очевиден. Колебания денежного дохода по годам находились в зависимости от степени урожайности на основные виды сельхозпродукции и других местных экономических условий.

И уж точно не способствовала повышению доходности городского лесного хозяйства некоторая сложность оформления разрешительных документов на право заготовки леса. Дело в том, что сам лесничий никаких сумм и платежей от покупателей леса не принимал, а посылал их с платежными свидетельствами в Городскую управу, которая принимая платежи, выдавала квитанции о принятии денег на право заготовки леса. Таким образом, покупатели какой-либо делянки, в каждом отдельном случае, обязательно дважды должны были быть у лесничего и раз явиться в Городскую управу. Еще больше неудобств представлялось покупателям мертвого леса – валежника, сухостоя, срубленного на просеках и визирах, который продавался в примерном количестве. Как бы ни мала была покупка, покупатель четыре раза должен был быть у лесничего и два раза в Управе. Первый раз – для получения от лесничего платежного свидетельства, второй – для предъявления квитанции от Городской управы и получения лесного билета, третий – после освидетельствования заготовленного материала, для получения вновь платежного свидетельства на уплату Управе причитающихся, согласно заготовленному материалу, дополнительных платежей, и, наконец, четвертый раз – для предъявления полученной от Управы квитанции на принятый ею дополнительный платеж и для получения от лесничего разрешения на вывоз из дачи заготовленного леса⁵⁴.

Для населения Казани городской лес был также и источником древесного топлива. Даже в начале 20-х гг. XX в., когда почти повсеместно в качестве топлива преобладающими становятся нефть и каменный уголь, в Казани дрова составляли 91 % заявок промышленности, а вместе с потребностями горожан степень значимости дров и древесного угля достигала 95 %⁵⁵. По данным дореволюционной статистики, значение дров для Казанской губернии объяснялось дороговизной нефтетоплива. Значительная удаленность Казани от Кавказского нефтяного района и редкая

железнодорожная сеть Поволжья неизбежно ставили вопрос о более простом способе получения топлива – заготовке дров в ближайшем лесном массиве.

По свидетельству местных газет, обеспечение Казани дровами всегда находило живейший отклик и заботу как со стороны гласных Городской думы, так и со стороны Городской управы. Осенью 1896 г., по инициативе Городской управы, с целью облегчения беднейшему городскому населению условий существования в зимнее время, была произведена заготовка дров из сухостоя и лесных материалов, оставшихся от проходной рубки. Такие дрова продавались бедным горожанам по сниженным ценам⁵⁶.

По Городовому положению 1870 и 1892 гг., в обязанности Казанского городского управления, входило содержание, за счет средств местного бюджета, многочисленных правительственных и городских учреждений – судебных, полицейских, пожарной и врачебной части, тюрем, пробирного учреждения, учебных и благотворительных заведений⁵⁷. Наибольшая доля расходной части приходилась на квартирную повинность для воинского гарнизона⁵⁸. Кроме всего прочего город обеспечивал эти учреждения дровами. Отпуск дров производился по следующему расчету: на каждую комнатную (голландскую) печь в зимний месяц отпускалось по 1/3 сажени трехполенных дров и по 2 сажени таких же дров на год на кухонную печь. Трехполенными дровами считались такие дрова, у которых плахи в длину имели 10 четвертей. При этом надо учесть еще и такой важный факт, что в дореволюционный период Казанская губерния относилась к северной полосе России и зимних месяцев в ней считалось семь, с 1 октября по 1 мая⁵⁹.

Таким образом, установив право собственности органов городского самоуправления на землю, находящуюся в его фактическом владении, Городовое положение 1870 и 1892 гг. способствовало укреплению и значительному развитию городского хозяйства. Лесные владения, принадлежавшие городу, имели ценность, равную городским капиталам. Можно сказать, что за годы проведения городской реформы городские леса совершили свое развитие от убыточного придатка до отдельной муниципальной отрасли, приносящей неплохой доход в бюджет города. В сфере управления была заметна тенденция перехода от приглашения случайных людей к привлечению специалистов лесного хозяйства с высшим образованием. С течением времени изменились и методы хозяйствования, что позволило увеличить доходность лесных дач. Новшеством стало проведение культурных лесных работ и заведение лесных питомников для дополнения лесных культур и облесения пустырей. Однако, несмотря на различные новшества в развитии городского лесного хозяйства, приоритетом всегда оставалось выполнение главной задачи – обеспечения городского населения необходимым лесоматериалом, деловым лесом и дровами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. – М., 2018. – С. 11.
2. Кренке А. Н., Чернавская М. М. Развитие экологического законодательства в дореволюционной России (1649-1855) // Известия РАН. Сер. географическая. – 2009. – № 4. – С. 20.
3. Опыт лесоводственного терминологического словаря / Сост. П. Н. Вереха. – СПб., 1898. – С. 138, 410.
4. Цветков М. А. Изменение лесистости в Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. – М., 1957. – С. 126-127.

5. Статья 6. Устав лесной 1905 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 8. – Ч. 1. – СПб., 1905.
6. Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями/Сост. М. И. Мыш. – Изд. 4, испр. и доп. – СПб., 1899. – С. 20.
7. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2088, л. 91-92, 98.
8. Городское общественное управление Казани в 1883 и 1884 годах: Отчет Казанской городской управы. – Казань, 1885. – С. 108.
9. Систематический сборник постановлений Казанской городской думы за 22 года (с 1871 по 1892 включительно)/Сост. Н. Н. Постников. – Казань, 1898. – С. 827.
10. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2088, л. 31 об., 20, 113-113 об.
11. Смета г. городского лесничего на 1911 год. – Казань, [б. г.] – С. 147.
12. Отчет Казанской городской управы за 1882 г. – Казань, [б. г.] – С. 204.
13. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2088, л. 64-65.
14. Постановления Казанской городской думы за апрель 1879 г. – Казань, 1879. – С. 360.
15. 1 десятина = 1,0925 га.
16. Оценка лесных угодий. – Вып. 1. – Казань, 1901. – С. 104.
17. Городское общественное управление Казани в 1883 и 1884 годах: Отчет Казанской городской управы. – Казань, 1885. – С. 107-108.
18. [Патканов К. М.] Доклад лесного ревизора Патканова. – Казань, [б. г.] – С. 2-3.
19. [Грауэрт Н. Ф.] Отчет по устройству лесных дач г. Казани, составленный в 1897-1898 гг. гласным Городской думы Н. Ф. Грауэртом. – Казань, 1900. – С. 275, 281.
20. Оценка лесных угодий... – С. 104.
21. [Грауэрт Н. Ф.] Отчет по устройству лесных... – С. 282, 287-288, 310-313.
22. Там же. – С. 21-24.
23. Оценка лесных угодий... – С. 104.
24. [Грауэрт Н. Ф.] Отчет по устройству лесных... – С. 59-60.
25. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2088, л. 61.
26. Систематический сборник постановлений... – С. 833.
27. [Патканов К. М.] Доклад лесного ревизора... – С. 6-8.
28. Там же. – С. 9-12.
29. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2088, л. 72, 67.
30. Доклад Городской управы № 25: По жалобе г. Кондратовича на оставление Городской управой без последствий ходатайства его о вторичном рассмотрении Думой вопроса о назначении ему, Кондратовичу, пенсии. – Казань, 1902. – 4 с.
31. ГА РТ, ф. 98, оп. 4, д. 414, л. 1.
32. Там же, д. 835, л. 2, 5.
33. Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX веков. – Самара, 2007. – С. 64.
34. Доклад Казанской городской управы мая 27 дня, 1894 г. № 56: О присвоении прав государственной службы некоторым должностям по Городскому управлению. – [Казань, 1894]. – С. 7.
35. Родной сестрой К. В. Елухена была вторая жена Ф. И. Шаляпина, Мария-Августа Елухен.
36. ГА РТ, ф. 98, оп. 4, д. 835, л. 3.
37. Там же, л. 10, 11 об., 15, 14 об., 17, 21.
38. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. – Казань, 1914. – С. 272.

39. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань, 1916. – С. 282.
40. ГА РТ, ф. 98, оп. 4, д. 835, л. 18.
41. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. – Казань, 1914. – С. 189.
42. ГА РТ, ф. 977, оп. 1 л/д, д. 33290, л. 12.
43. Б.П. Д. Памяти Б.А. Щербакова // Камско-Волжская речь. – 1915. – 26 сентября (№ 213). – С. 3.
44. Казанская правительственная телефонная сеть. Список абонентов на 1917 г. – Казань, 1917. – С. 59.
45. ГА РТ, ф. 98, оп. 5, д. 4685, л. 1 об., 8 об.
46. Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института. – СПб., 1903. – С. 112.
47. Доклад Казанской городской управы 18 апреля 1900 г. № 37: С представлением работы Н. Ф. Грауэрта по устройству городских лесных дач. – Казань, [1900]. – С. 1-3.
48. [Грауэрт Н. Ф.] Отчет по устройству лесных ... – С. 296-297, 300, 313-314.
49. Казанской Городской думе доклад Городской управы № 26: По вопросу о способе эксплуатации городского леса. – Казань, 1901. – С. 1.
50. Доклад Городской управы № 13: По вопросу о вырубке леса в «Ольховой роще» и об установлении платы за сбор грибов и ягод во «Въезжем лесу». – [Казань, 1909]. – С. 3-5.
51. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2649, л. 7 об., 8 об.
52. Отчетная ведомость прихода сумм по управлению городским лесным хозяйством за 1885 г. – [Казань, 1886]. – С. 3.
53. Оценка лесных угодий ... – С. 105.
54. ГА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 2649, л. 51.
55. Антипович М. С. Значение отдельных видов топлива в различных районах СССР в разных группах промышленности в настоящее и дореволюционное время // Топливное дело. – 1923. – № 7/8. – С. 63.
56. Доклад Казанской городской управы 6 сентября 1896 г. № 63: О заготовке дров в городских лесных дачах для продажи беднейшему населению города по возможно пониженной цене. – [Казань, 1896]. – С. 1.
57. С 1899 г. тюремная повинность была снята с городов, а в 1904 г. правительство сложило с городов и расходы на содержание центральных правительственных учреждений.
58. За дореволюционный период в Казани в разные года были расквартированы: 7-й Ревельский пехотный полк; 8-й Эстляндский пехотный полк; 1, 2, 4 батарея 2-й артиллерийской бригады; 229-й Свияжский резервный батальон; 230-й Ветлужский резервный батальон; 235-й Спасский резервный батальон; 236-й Лаишевский резервный батальон; Управление 58-й резервной бригады; Штаб 5-го армейского корпуса; 16-й Саперный батальон; 162-й Пехотный Ахалцыхский полк; 5-й Драгунский Каргопольский полк; 54-й Драгунский Новомиргородский полк; 161-й пехотный Александропольский полк; 4-й Донской казачий полк.
59. [Грауэрт Н. Ф.] Отчет по устройству лесных ... – С. 310.

Список литературы

Данилова Е. В., Малахов А. Е. Развитие лесного законодательства в XVIII – нач. XX века в России: вопросы права собственности и использования лесов. – М., 2013. – 166 с.

Кренке А. Н., Чернавская М. М. Развитие экологического законодательства в дореволюционной России (1649-1855) // Известия РАН. Сер. географическая. – 2009. – № 4. – С. 17-27.

Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. – М., 2018. – 304 с.

Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX веков. – Самара, 2007. – 202 с.

Цветков М. А. Изменение лесистости в Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. – М., 1957. – 213 с.

References

Danilova E. V., Malakhov A. E. *Razvitie lesnogo zakonodatelstva v XVIII – nach. XX veka v Rossii: voprosy prava sobstvennosti i ispolzovaniya lesov* [Development of forestry legislation in the 18th – early 20th century in Russia: property right and forest utilization]. Moscow, 2013, 166 p.

Krenke A. N., Chernavskaya M. M. *Razvitie ekologicheskogo zakonodatelstva v dorevolyutsionnoy Rossii (1649-1855)* [Development of environmental legislation in the pre-revolutionary Russia (1649-1855)]. IN: *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [News of the RAS. Geographical series], 2009, no. 4, pp. 17-27.

Kuster H. *Istoriya lesa. Vzglyad iz Germanii* [The history of the forest. A view from Germany]. Moscow, 2018, 304 p.

Tyurin V. A. *Vlast i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzhye: opyt vzaimodeystviya na rubezhe XIX-XX vekov* [Authorities and municipal self-government in the Middle Volga region: experience of interaction at the turn of the 19th – 20th centuries]. Samara, 2007, 202 p.

Tsvetkov M. A. *Izmenenie lesistosti v Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Change of amount of forests in European Russia from the late 17th century to 1914]. Moscow, 1957, 213 p.

Сведения об авторах

Трегубов Алексей Алексеевич, главный библиограф Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета, e-mail: atregubow@yandex.ru.

Трегубов Дмитрий Алексеевич, кандидат сельскохозяйственных наук, e-mail: zvezdoplas@mail.ru.

About the authors

Alexey A. Tregubov, Chief Bibliographer at N.I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan Federal University, e-mail: atregubow@yandex.ru.

Dmitry A. Tregubov, Candidate of Agricultural Sciences, e-mail: zvezdoplas@mail.ru.

В редакцию статья поступила 26.09.2019, опубликована:

Трегубов А. А., Трегубов Д. А. Лесные владения городского самоуправления Казани по Городовому положению 1870 и 1892 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 4. – С. 18-35.

Submitted on 26.09.2019, published:

Tregubov A. A., Tregubov D. A. *Lesnye vladeniya gorodskogo samoupravleniya Kazani po Gorodovomu polozheniyu 1870 i 1892 gg.* [Forest land tenure of Kazan municipal self-government according to the Municipal Statutes of 1870 and 1892]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 4, pp. 18-35.